

Е.А. Сурков

Кемеровский государственный университет

**«Капитанская дочка» А.С. Пушкина
в дискурсивном пространстве
русской культуры XVIII – первой трети XIX века**

Аннотация: В статье рассматривается проблема интертекстуальных связей «Капитанской дочки» А.С. Пушкина с предшествующими текстовыми моделями, реализованными в дискурсивном пространстве русской культуры XVIII – первой трети XIX века.

The article is devoted to intertextual links of the Pushkin's "Captain's Daughter" with the previous textual models of the XVIIIth century and the beginning of the XIXth centuries.

Ключевые слова: интертекст, дискурс, образ дискурса, «Капитанская дочка».

Intertext, discourse, image of discourse, "Captain's Daughter".

УДК: 821.161.1.

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная 6. КемГУ, филологический факультет. Тел. (3842) 582745. E-mail: sea@kemsu.ru.

Проблема интертекстуальных связей «Капитанской дочки» А.С. Пушкина с предшествующими текстовыми моделями и конкретными литературными произведениями не раз была предметом научных разысканий исследователей, тем более что она имеет провокативный характер, поскольку многие источники цитат и произведения подсказаны самим автором, прежде всего – в эпитафиях к главам.

Круг предполагаемых литературных источников достаточно широк и охватывает как русские, так и зарубежные претексты. Например, И.В. Лукьянец считает единственным и неоспоримым источником повествовательной манеры «Капитанской дочки» французский мемуарный роман. Именно там, по мнению И.В. Лукьянец, почерпнул Пушкин и форму повествования частного лица, и форму романа-испытания [Лукьянец, 1997, с. 108]. Также отмечались исследователями связи «Капитанской дочки» с французскими романами «Молодая сибирячка» К. де Местра и «Елисавета Л***» С. Коттен [Тахо-Годи, 2004].

Однако более близкими Пушкину и его читателям, были, конечно, русские претексты, уже реализованные в дискурсивном пространстве культуры. Создавая «записки» дворянина-офицера конца XVIII века, Пушкин воссоздает образ особого типа дискурса, который сложился в культуре того времени. Речь идет о такой популярной форме речевой практики второй половины столетия, как мемуарная проза, которая уже сформировалась и обрела отчетливый дискурсивный облик, то есть, как поясняет М.Я. Билинкис, «из прочих выделилась особая группа текстов, авторы которых рассказывают о своем роде, своей жизни, своей службе, своих взаимоотношениях с миром» [Билинкис, 1995, с. 50]. Исследователь в своей работе о прозе XVIII века рассмотрел, в том числе, и «записки офицеров»: Я. Шаховского, П. Рычкова, «артиллерии майора» В. Данилова и других авторов.

Вообще, мемуары обыкновенного человека были интереснейшим явлением русской культуры того времени, к тому же в конце XVIII – первой трети XIX ве-

ка «письменное изложение семейных преданий и воспоминаний в дворянской среде было явлением массовым» [Николаева, 2004, с. 65]. В характеристике дискурсивного потенциала и дискурсивного образа¹ таких мемуаров мы можем увидеть ряд черт, близких текстовой модели «Капитанской дочки». В этой связи О. Чайковская отметила: «По крупным и мелким усадьбам... созревала литература. <...> Одна воспевала выдуманные чувства... <...> Другая имела смысл только как правдивая. Авторы мемуаров – а мемуаристика XVIII века велика – писали героями самих себя, то в виде простого жизнеописания, иногда бытописания, то ударяясь в прямую исповедь, – и, как правило, писали честно, не было над ними внешнего цензора и все более отступал, отпуская их цензор внутренний. А читатели – дети, ради которых это зачастую и писалось, вообще родные (а это очень широкий круг – дворянская родня), друзья, соседи..., – этот читатель был свой» [Чайковская, 1980, с. 209].

Существовали и другие тексты, предшествовавшие «Капитанской дочке» и хорошо знакомые Пушкину. Это «Записки» Г.Р. Державина, непосредственно участвовавшего в «пугачевских» событиях и в своих рассказах о них упомянувшего офицера по фамилии Гринев [Державин, 2002, с. 43]. На этот момент уже обращали внимание исследователи «Капитанской дочки», указывая также и на «рассказы» И.А. Крылова, И.И. Дмитриева и Д.О. Баранова, которые сохранились в записях Пушкина. Заслуживают своего внимания и «записки» А.Т. Болотова («Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков»). Писались эти «записки» в течение 1789–1816 годов и долгое время были известны в рукописи. Они содержат целый ряд эпизодов, которые могут быть сопоставлены с «рукописью» Гринева: первоначальное воспитание, начало службы в гарнизоне, описание казни Пугачева: «и вмиг после того очутилась голова г. Пугачева, взоткнутая на железную спицу, на верху столба» [Болотов, 1993, т. 3, с. 191]. Анализируя один из эпизодов «Записок» другого офицера XVIII века – книгу Ю.В. Долгорукова, О. Чайковская вполне закономерно соотносит его с пушкинским текстом: «Оборона Белогорской крепости не в той ли тональности написана?» [Чайковская, 1980, с. 201].

Однако в этой связи непременно следует отметить, что зачастую такого рода «источники» направляют исследователя к поискам конкретных цитат, заимствований или другого рода конкретных межтекстовых связей «Капитанской дочки» с предшествующими мемуарными записками. Так поступает и автор интересной работы о жанре семейных записок XVIII – XIX века Н.А. Николаева. Исследовательница пытается найти отсылки к ним или пути знакомства с ними в творчестве С.Т. Аксакова [Николаева, 2004, с. 81–82]. На наш взгляд, такой подход в целом не правомерен, поскольку существование определенной традиции или речевой практики в культуре предполагает знакомство с ними, осознанное или неосознанное, любого носителя данной культуры. И если, в нашей концепции, семейные записки также являются сложившимся и определившимся образом дискурса и речевой моделью, то они способны как тип текста реализовать свой внутренний

¹ Образ дискурса в этом случае помогает нам увидеть явление в его реальном текстовом воплощении: образ дискурса был для последующего текста субститутотом национальной литературной традиции и «семантической памяти». Именно поэтому в произведениях XVIII – первой половины XIX века (и прежде всего повествовательных) проявляется одна из самых специфических черт: многие художественные тексты этой эпохи спроецированы не только и не столько на физическую реальность, сколько на реальность эстетическую. Выстраивая генетические связи с предшествующими повествовательно-прозаическими опытами, Пушкин в большей мере ориентируется не на конкретные литературные источники, а на образ дискурса и воссоздает его именно как образ в своих произведениях. В этом срабатывали механизмы «семантической памяти», в которой оставляемый «след», как пишет И.П. Смирнов, «замещает не сами реалии, но субституты реалий, т.е. оказывается субститутотом субститута, заместителем второй степени» [Смирнов, 1995, с. 125].

потенциал, даже вне очевидной и доказательной связи с каким-то конкретным текстом-предшественником. Как представляется, связи, конечно, существуют, однако искать их нужно на иных уровнях и видеть в иных аспектах: прежде всего – в дискурсивных и коммуникативных закономерностях существующего к моменту создания нового произведения текстового пространства данной культуры.

Возвращаясь к «Капитанской дочке», отметим, что бытовали и иного типа текстовые модели, связанные с историей и историческими лицами эпохи пугачевского восстания. Это, например, «Записки о жизни А.И. Бибикова» А.А. Бибикова, что отмечалось Н.Н. Петруниной [Петрунина, 1987, с. 258–259], ода Г.Р. Державина «На смерть Бибикова», а также и «объяснение» ее в вышедших в 1808 году «Объяснениях на сочинения Державина», которые явились своеобразным продолжением его «Записок». К тому же, как было отмечено Я.Л. Левкович, за несколько лет до повести Пушкина были опубликованы три произведения, тематически связанные с «крестьянской войной» начала 1770-х годов: это повести П. Кудряшова «Сокрушитель Пугачева, илецкий казак Иван. Оренбургская повесть» (1829), П. Сумарокова «Федора. Историческая повесть, или Быль с примесью» (1831) и А. Крюкова «Рассказ моей бабушки» (1831) [Левкович, 1973, с. 126]. Пушкин знал, несомненно, и «Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки (1815–1817), и «Походные записки русского офицера» И. Лажечникова (1820).

Отвлекаясь уже от мемуарной формы, отметим и другие возможные ориентации «Капитанской дочки». Разительное сходство с повестью Пушкина имеет, например, одна из публикаций в журнале Н.И. Новикова «Живописец» (1773). Называется этот текст «Следствие худого воспитания» и по своей форме является, как это явствует из текста журнала, также «запиской» офицера. Текст этот – типичное сатирическое произведение, передающее образ героя через Я-повествование. Посвящено оно «недорослю» и его типичному воспитанию в русской семье того времени, что, несомненно, позже использует Фонвизин, изображая семейные отношения Простаковых. В тексте Новикова читаем: «Отец мой дворянин... был человек простого нрава...; а жена его, моя мать, была сложения тому совсем противного, отчего нередко происходили между ими несогласия, и всегда друг друга не только всякими бранными словами... ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или бы людей на конюшне плетью не секли. <...> А как я уже приходил лет под десяток и батюшка мой начал преподавать мне первые начала российской грамоты, то матушка моя, любя меня чрезмерно..., всегда меня от книги отрывала. <...> Я спознался с сыном одного помещика... <...>. От частого с ним обхождения научился я просиживать целые ночи, весьма скоро в игре, в пьянстве... <...>. Отец мой, разгневавшись на меня за таковые поступки, выгнал меня из дома» [Новиков, 1951, с. 208–210].

В кратком изложении текста Новикова заметно его сходство с более поздней по времени комедией Д.И. Фонвизина «Недоросль». Как известно, она существенно повлияет на первую главу «Капитанской дочки», рассказывающую о воспитании Гринева [Лотман, 1992, т. 2, с. 418–419]. При этом нужно вспомнить и о близости этих двух авторов XVIII века: именно Новиков напечатал в журнале «Пустомеля» высоко оцененное им «Послание к слугам моим...» Фонвизина, которое будет цитировать Гринева в первой главе «Капитанской дочки». Однако и «записка» из журнала «Живописец» имеет черты сходства с текстом Пушкина. Это и подробно описанное времяпровождение типичного дворянского «недоросля», упомянутые «игра» и «пьянство», которые также описывает Гринева в начале своих записок. Интересен и финал текста Новикова: исправлению его героя, покинувшего родной дом, способствовали пережитые «несносные бедствия» и то, что он «вступил в военную службу», которая, по словам героя, «больше того меня поправила» [Новиков, 1951, с. 210]. В этих скупых подробностях, на наш взгляд,

содержится тот событийный ряд, который у Пушкина развернется в сюжетное движение и развитие героя «Капитанской дочки». Скажем, отдавая дань традиционным воззрениям на проблему, что, конечно, Пушкин мог и не знать текст Новикова, но его сюжет связан с целой традицией сатирических нравоописательных текстов, то есть с еще одним характерным образом дискурса второй половины XVIII века. Тем не менее, следует упомянуть, что журнал Новикова «Живописец» издавался буквально накануне «пугачевщины»: в 1772–1773 годах, а третье его издание (1775) совпало со временем ее окончания, что вполне могло заинтересовать Пушкина-историка.

В «Капитанской дочке» использованы и другие типы дискурсов, а также и целая система их знаков. Это, например, литературные эпитафии, иногда стилизованные, и фольклорные, о чем писал Ю.М. Лотман, считавший, что в этих двух «рядах» проглядывает «своя правда» каждого мира: народного и дворянского [Лотман, 1992, т. 2; с. 420]. Нам такая интерпретация представляется не совсем точной, поскольку фольклорные эпитафии имеют литературный характер и также соотносятся с определенным и весьма характерным для литературы XVIII века типом дискурса – публикациями «народных» текстов. Ведь фольклорные эпитафии и песни, включенные в текст «Капитанской дочки», что зафиксировали уже комментаторы повести [Гиллельсон, Мушина, 1977; Оксман, 1984], почерпнуты из печатных изданий: «Нового и полного собрания российских песен» Н.И. Новикова и «Собрания народных русских песен с их голосами» И. Прача (издавалось в 1790, 1806 и 1815 годах). Как бы там ни было, при всей своей принадлежности к фольклору, эпитафии эти имеют книжный характер, что подтверждается и тем, что один из них – к IX главе, похожий на народную песню, взят из стихотворения М.М. Хераскова «Разлука».

Интересен в этом плане и сборник И. Прача. Во-первых, потому что создавался в литературном окружении Н.А. Львова (неслучайно, его принято называть «сборником Львова-Прача») и Г. Р. Державина – крупнейших литераторов своего времени и «просвещенных любителей русской старины, народности» [Порфирьева, 2001, с. 171]. Во-вторых, иностранец Прач обрабатывал народные песни, и хотя «его обработки русских песен сейчас кажутся наивными, слишком европеизированными, но именно эти свойства обеспечили прачевскому “стилю рус” ту степень “усвояемости”, которой и объясняется успех собрания» [Порфирьева, 2001, с. 171]. Таким образом, мы можем говорить о том, что Пушкин не столько воспроизводил в эпитафиях «народную стихию», сколько представил описываемую им эпоху в ее дискурсивном облике. Даже существование эпитафя-пословицы «Береги честь смолоду» не отменяет этой тенденции пушкинского текста. Хотя В. Шмид считает, что Пушкин использовал «народное речевое клише», развернув его в повествовательный сюжет [Шмид, 1996, с. 95–99], следует помнить о том, что этот повествовательный прием был уже освоенным в предшествующей традиции. Тот же Н.И. Новиков в издаваемой им «Городской и деревенской библиотеке» в 1782 году опубликовал «Пословицы российские». Здесь 16 народных пословиц не просто представлены читателю, каждая из них развернута в отдельный повествовательный сюжет [Новиков, 1951, с. 221–258]. Таким образом, мы можем говорить о том, что повествовательные тексты Пушкина, как и многих его современников, обладают особой дискурсивной природой: они и авторски организованы, и авторски индивидуальны, но одновременно наполнены «чужими словами». Художественная реальность такого текста включает не только пространство-время судьбы Петра Гринева, но и пространство бытия слова.

Литература

- Билинkis М.Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995.
- Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков: В 3 т. М., 1993.
- Гиллельсон М.И., Мушина И.Б. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1977.
- Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 2002.
- Левкович Я.Л. Историческая повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992–1993.
- Лукьянец И.В. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и традиции французского мемуарного романа XVIII – XIX веков // Русская литература. 1997. № 1.
- Николаева Н.А. Трансформация жанра семейных записок XVIII – XIX вв. в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск, 2004. Вып. 6.
- Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951.
- Оксман Ю.Г. Примечания к тексту романа // Пушкин А.С. Капитанская дочка. Л., 1984.
- Петрунина Н.Н. Проза Пушкина (Пути эволюции). Л., 1987.
- Порфирьева А.Л. Прач Ян Богумир // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. СПб., 2001. Т. 1. Осьмнадцатое столетие: В 2 книгах. Кн. 2.
- Смирнов И.П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб., 1995.
- Тахо-Годи М.А. «Капитанская дочка» и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра // Дарьял. 2004. № 4.
- Чайковская О. «И в прозе глас слышен соловьин...» (Заметки о документальной литературе XVIII века) // Вопросы литературы. 1980. № 11.
- Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996.